

Эми Платонова

18+

Элли Платонова

**На белой стороне.
Сборник рассказов**

«Автор»

2020

Платонова Э.

На белой стороне. Сборник рассказов / Э. Платонова — «Автор»,
2020

ISBN 978-5-532-03775-5

Перед вами сборник рассказов в разных жанрах. Ни за что не отгадаете, куда исчез скромный бразилец и к чему привели опыты гениального профессора! А вы знаете язык йети? Отключите телефон и погрузитесь в увлекательные рассказы молодой писательницы.

ISBN 978-5-532-03775-5

© Платонова Э., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Волшебный коготь	5
Матвей	7
Часть 1	7
Часть 2	9
Сарафан	11
Часть 1	11
Часть 2	13
Шоколад с миндалем	15
Профессор Понтий	18
Мимозы	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Элли Платонова

На белой стороне. Сборник рассказов

Волшебный коготь

Когда родился Йошка, это обсуждали в племени до самого лета. Вьюжил февраль, величественные сосны шумели в предчувствии чего-то особенного. И это случилось. В племени йойо впервые родился черный снежный человек! У мамы Йу, когда она увидела сына, глаза от изумления задержались, а суровый папа Йа озадаченно почесал живот.

– Хоу! – пробасил он после некоторого раздумья, что означало «вот это да!»

– Хоу! – эхом ответила супруга, выражая согласие. Все йети белошерстные, даже пятнышка мизерного не найдешь, такова природа. И в племени, что жили на соседнем Верхоянском хребте, тоже все беленькие, как снег на вершине! А у Йошки была еще одна странность: очень гладкие ступни. Мудрая Хавва, старейшина племени, сокрушенно покачала головой, когда заметила это:

– Йум хоа бум, – отчеканила она, что означало «малыш будет много падать, пока маленький, но этот дар – его сила. Йошка станет быстрее ветра!» Так и произошло. До четырех лет малец набивал шишку за шишкой. А потом он подрос и раньше всех появлялся с добычей у пещеры, когда его брали с собой на охоту старшие братья. И во всем остальном Йошка также был первым: быстрее ел, прыгал и танцевал йуги-буги на столетнем юбилее Хаввы, когда каждый старался выразить уважение достопочтенной главе племени.

Теперь парню стукнуло семнадцать, и он выглядел крупнее взрослых мужчин, а тень его превосходила размером тень Великого Гуя, мужа Хаввы. Тот ушел прошлой осенью по зову предков за облака. Сегодня Йошке было грустно. Три дня назад он с братьями вернулся с Верхоян, от родственного племени йейе, где проходили охотничьи сборы. Он, конечно, победил и вернулся с трофеем – крупным лосем, перекинутым через плечо. Но герой каждую минуту думал о Лейе: ей шестнадцать и они виделись не впервые. Девушка тоже захотела участвовать в сборах, где поразила Йошку смелостью. От ее взглядов во время погони за лосем сердце охотника искрилось еще ослепительнее, чем снежинки в сугробах. А когда они прощались, Лейе незаметно от родных вложила ему в руку коготь медведя. Огромный! Парень заглянул в глаза цвета молодой сосновой хвои и на миг забыл, что его ждут дома.

– Хиу! – прошептала девушка, что означало «я буду ждать тебя».

Йошка выпучил светло-серые глаза, почесал живот и быстро ретировался домой. Теперь Лейе везде: в облаках, в чане с ледяной водой, в песнях кедровки. И Йошка решил, что не станет больше ждать. Ночью, когда семья улеглась, влюбленный отправился в Верхояны, только сначала быстренько набил шишек с кедр в подарок любимой.

Лейе запрыгала от радости, когда увидела друга. Они пошли кататься на северную гору, чтобы побыть наедине. Пара устроилась на самой вершине. Сидели в обнимку, ели орехи и любовались на восходящее рыжее солнце. Совсем рядом токовали глухари, а в небе прямо над ними парил белый орел. Красивый! Парень встал, свистнул, и гигант захлопал крыльями в знак приветствия. Потом Йошка предложил девушке скатиться вниз на его на спине. Лейе знала про особенные ступни друга и мигом согласилась: путешествие обещало быть захватывающим. Они летели во всю прыть, смех Лейе разносился в морозном воздухе, как журчание Индигирки по весне. Йошка ощущал себя всемогущим. Скорость все нарастала, как вдруг впереди показались охотники: ничего поделаться было нельзя. Быстро затормозить не удалось, и влюбленные остановились в ста метрах от троих ошарашенных мужчин. Пока парочка соображала,

раздались выстрелы. Йошка схватил Лейе за руку и устремился вверх, в гору, и, хотя они оторвались от преследователей, парень переживал, что девушка может пострадать.

– Хойе ум? – на бегу крикнул он. Это означало «ты помнишь, что надо делать?» В племенах с детства малышню учили, что при встрече с людьми нужно падать в снег лицом вниз. Благодаря изумительной белизне шерсти так сливаешься со снежным покровом. Многих йети эта уловка спасала и не раз.

– Хай е! – отрезала Лейе, это значило «нет, я с тобой, мое сердце!» Девушка понимала, что она может так спастись, а черному Йошке живым не уйти.

И тут плечу парня стало горячо. Его ранили. Глаза Лейе от испуга стали похожи на два огромных зеленых озера, в которых парень купался с детства. Он кряхтел и силился бежать быстрее, а следом за ними на снегу появлялись капли крови. Йошка упал. Лейе в растерянности заплакала, но решила, что будет отбиваться до конца и живой людям не дастся. Охотники меж тем обступали пленников вокруг, держа под прицелом ружей. И тут лицо девушки озарила радость.

– Хей ош! – вдруг закричала Лейо. Это означало «нам поможет коготь!» Она сорвала коготь с веревки на шее парня, зажмурилась и принялась тереть его изо всех сил.

Раздался ужасающий многоголосый рев. У охотников заложило уши, от жути они так и сели в сугробы. Со всех сторон вдруг появились белые медведи, каждый размером со слона, их становилось все больше и больше. Преследователи побросали ружья и рванули наутек. Но не удалось: несколько медведей окружили троицу и встали на задние лапы, продолжая угрожающе рычать. Охотники застыли в прямом смысле слова: покрылись ледяной коркой на глазах у изумленного Йошки, да так и остались стоять неподвижными глыбами с глазами навывкат.

Лейе рассказала парню удивительную историю. Оказывается, ее воспитали медведи-великаны: они подобрали девочку среди снегов, замерзшую, чуть живую. Ее отца, белого йети, убили люди, а дочку не заметили, она спряталась личиком в снег, как учили. Тогда он впервые взял ее с собой на охоту. Целый год Лейе жила у медведей, которые заботились о малышке так же бережно, как и о своих детях. Потом наконец нашлось племя йети, и девочка вернулась к ним. А вожак стаи, Рам, подарил ей свой коготь. Сказал, чтобы Лейе в случае опасности потеряла его, и тогда они придут на выручку.

Девушка кинулась к Раму. Он осторожно поднял ее с земли, прижал к щеке: вожак заурчал нежно, как кот. Йошка только часто моргал, будто от ветра. А потом они сидели у костра в племени йойо, ели оленину и слушали легенды старой Хаввы: и йети, и медведи. Лейе очистила парню рану и присыпала зеленым порошком. Как оказалось, пуля только чуть задела его, но не вошла внутрь. Йошка сиял от счастья, как луна на сибирском небе. Он протянул девушке хвост горноста: особый подарок, который мужчина в племени дарил своей избраннице.

Матвей

Часть 1

Матвей снова и снова всматривался в зеркало: все-таки не достригла Алена виски в этот раз! Руки б ей... Два дня назад ему исполнилось тридцать три. Рельефный, эффектный, со смешливыми карими глазами, которыми грезило немало красоток Петербурга! Да он и сам был не прочь заночевать у любвеобильных подружек. Улыбка скользнула по губам, когда он вспомнил пухлые губы Лили.

– Матвей, ты зеркало до дыр проглядишь, – засмеялась Ая и поцеловала мужа в черные кудри. – Нас Блиновские заждались.

– Дорогой друг, ты же знаешь, там нам всегда рады. Даже если мы опоздаем на два дня, они найдут для нас и шампань, и икру! – Матвей подмигнул Ае, схватил на ходу барсетку, и они пошли ловить такси.

Как только Огневские зашли к друзьям, взгляды женщин приклеились к Матвею, как магниты к холодильнику. Помимо внешности мачо природа наделила мужа Аи характером лидера с чутьем бигля, благодаря чему тот раскрыл десятки дел на работе. Матвей с гордостью носил звание майора полиции, с дамами вел себя по-джентльменски и был на зависть везуч.

Год назад он чудом вернулся с Эвереста: Серега приревновал к Матвею свою девушку, они начали мутузить друг друга, и Огневский чуть не улетел туда, откуда уже не собрать по деталькам. И таких случаев накопилось на шесть жизней.

Когда гости Блиновских уже изрядно поддали и закусили, начались танцы. Матвей успевал зажигать с девушками, которые явились без пар, как светский кавалер. Да и замужние дамы сверлили пьяными глазищами мускулистую спину Матвея, в то время как Ая гоняла по тарелке судака под сыром и запивала красным сухим. Измены мужа стали привычны, как дождь в Питере, но они будто вытягивали из хрупкой девушки жизнь. Каплю за каплей. Это началось почти сразу после свадьбы, восемь лет назад. И хотя ни разу ловелас не был пойман с поличным, Ая просто знала про измены. Да и «добряки» нашлись: нашептали и про турбазу с водопадами, где Матвей кутил на корпоративе, и про другие тусовки. И все же как он напоминал ей отца! Такой же волевой, добытчик, лучший папка для их Егорки. Если бы не эти телки...

– Элементарно, Виктор! – словно сквозь вату донеслась излюбленная фраза мужа. Ая повернула голову и увидела, как тот курит трубку, размахивает ручищами и что-то доказывает парню с работы. С трубкой он был особенно хорош, хоть картины малюй!

Потом запела Лобода, все вышли в круг танцевать. «Как же ему идет сиреневая рубашка», – подметила Ая, Матвей купил ее недавно в PRADA. И даже в танцах мужчины ему уступали. Просто топтались неуклюже и смешно. Да и другого играющего на скрипке майора найти – все равно что увидеть доброго питбуля!

– А теперь все друженько уходим, поедем на Финский! – заорала Дарья, хозяйка вечеринки. Гости заулюлюкали, подняли напоследок тост и засобирались.

Блиновские недавно приобрели яхту, туда и отправилась разгоряченная компания. Термометры Питера показывали плюс двадцать восемь, на улице всюю властвовал июль, клумбы города украшали розы всех мастей. На яхте Ая поняла, что пьяна, как семь матросов! Она слышала многоголосый смех, голос Матвея, который блистал французским перед женщинами, но все как будто через стену. В голове раскаты боли, а в душе – сырость. Девушка отошла на самый край судна, посмотрела в водную глубь и размазала пьяные слезы по заалевшим щекам. Ветра не было, приветливые волны плавно перекатывались велюровым ковром, и Ая залюбовалась. Вдруг ее пошатнуло. Она хотела опереться о поручень, но промахнулась и упала на

палубу, а потом поднялась, достала зеркальце из сумочки и повернулась к свету. «Разведусь на хрен, завтра же разведусь», – проговорила девушка и громко икнула. Зеркальце выпало из рук и полетело в воду. Ая инстинктивно кинулась за ним и рухнула в залив: волны обняли тонкую фигурку и увлекли в ежевичную темень. А Матвей жевал отбивную, подливал шампанское Лили и не знал, что его жены уже нет...

Часть 2

Прошло семь месяцев. Матвей часто вспоминал Аю: ее серые, будто со льдинками, глаза, мягкие «музыкальные» пальцы в его шевелюре по утрам и то, как она танцевала с туркой на кухне в его рубашке, болтающейся на худеньких плечах. Но это не мешало ему спать с женщинами всех возрастов и габаритов.

– Стыда у тебя нет, сынок, – говорила мать, – еще постель Аюшина теплая, а ты уже кувыркаешься с девахами! Егорка не должен этого видеть!

– Мам, ну не виноват я! Айка сама набралась в тот вечер. Она с одного фузера вдрызг, ты же знаешь, – закатывал глаза Матвей и тряс кудрявым чубом, будто хотел выбросить жену из закоулков мозга.

Двадцать третьего февраля Серега позвал его в гости на свой юбилей. Матвей приехал с Лили, уже немного навеселе.

– Отличная новая квартирка, брат! И здорово, что двадцатый этаж: представляю, какой вид на Питер с такой охренительной высоты! – Матвей крепко сжал Серегу тисками-объятиями и вручил коробку с подарком. – С днем Рождения!

– Спасибо! Да, Выборгский райончик неплох, – кивнул именинник, – балкон только не успел к днюхе застеклить, но в среду все тип-топ будет, – подмигнул он и хлопнул друга по плечу. Как всегда, Матвей стал завидной мишенью в перестрелке женских глаз. И Серегина Жанна не была исключением: хлопала накладными ресницами в сторону Огневского, смешно складывала губы в трубочку и морщила вздернутый носик.

Гости вышли курить на балкон. Матвей размахивал трубкой и вдохновенно рассказывал дамам про недавнее убийство полицейского, прогремевшее на всю область. Девушки ловили каждое слово, как оркестр палочку дирижера. Только Жанна почему-то ходила мрачнее неба в грозу, даже Серега весь вечер не мог ее развеселить.

Было около двух часов ночи. Все танцевали, а именинник храпел прямо в тарелке с заливным. Матвей, шатаясь, вышел на балкон подышать и услышал женскую перепалку:

– Ты завидуешь! Матвей меня любит, мы еще прошлой зимой отдыхали на Карибах, и он обещал Ае все рассказать про нас. Он мой, слышишь?

Лили отчаянно молотила Жанну по спине, а та вцепилась ей в черные волосы.

– Дура, Матвей же всем малолеткам это говорит! Мы с ним уже два года спим. Вот выздоровеет мать Сереги, и мы с Матюшей съедемся!

– Девочки, девочки, поберегите прически, – шурясь от смеха, подошел к ним виновник спора. Выпитый виски мотал мужчину по балкону, как шторм лодку.

Жанна закурила. Лили отошла в угол и завывла громче сигнализации. Пышная шевелюра брюнетки после схватки с соперницей стала похожа на пучок скатанной овечьей шерсти.

– Ты, ты, – задыхаясь от ярости, просипела она Матвею, – ты врал мне? – девушка подняла на него окосевшие глаза размером с медали.

– Ну з-зяблик, ну не надо н-наводнений, – он еле ворочал языком, – ты ж не школьница уже!

Лили взглянула на Матвея. Тот стоял боком к подруге, облокотившись о парапет: в сиреневой рубашке, которая так классно оттеняла тайский загар, облекая могучий торс. Да бог просто! А эти губы... Как жадно они целовали сегодня ночью ее тело! Жанна швырнула снисходительный взгляд на глупышку, затушила сигарету, хмыкнула и зашла в комнату. Лили сжала кулаки и с разбегу попыталась запрыгнуть на обманщика, но тот отшатнулся, и девушка перелетела через парапет балкона, уцепившись руками за крепкую, как дуб, шею. Матвей потерял равновесие, они сорвались и полетели вниз, на асфальт.

Гости продолжали хохотать, пока не услышали рев, похожий на вопль раненого животного. Это кричала Жанна. Она хотела позвать Матвея за стол и вышла на балкон. Все выбежали на крики и увидели внизу две лежащие маленькие фигуры, подъезжающие машины скорой и полиции с веселыми мигалками.

– Как же так, Матюша? – Жанна обессиленно сползла на корточки, спрятала лицо в коленях и затряслась от рыданий.

Сарафан

Часть 1

– С днем рож-де-нья! – заорали пьяные гости и полезли целоваться к имениннику. Леониду сегодня тридцать пять. Плечистый, с улыбкой победителя и бездной харизмы – такого не заметить нельзя! Все дамы за столом буравили его глазками, в которых плясали пузырьки шампанского. Вот это мужик! А он собирал подарки, твердил спасибо и подкладывал жене ажурные блинчики с красной икрой.

Торжество проходило в «Бароне»: здесь и губернатор отмечал юбилей, и многие первые люди области. Заведение знатное! Захмелевшие гости лихо отплясывали под нанайскую «Фаину», а некоторые уже изрядно набрались и клевали носом над заливной белугой, пойманной специально для торжества.

– Повезло Татьяне! Лёнчик такой классный, – прошептала Виктория подруге, пудря носик. – Красавец, бабла гуси не клюют, при крутой должности и с личным водилой к тому же!

– Не говори! И чего ей еще надо? Сидит кислая, как недельные щи!

А Леонид тем временем оживленно обсуждал с соседом справа, как наши футболисты профукали победу на чемпионате, и ослеплял всех танцующих белизной зубов раз в три минуты. Слишком дежурно. Потом напряженно посмотрел на Игорька. По лицу пробежала гримаса, как будто вместе с малиной он съел вонючего жука, а потом красавчик снова стал прежним. И тут же мужчина повернулся к жене и шепнул:

– Уходим, устал.

– Лёнъ, неудобно как-то! Игорек еще здесь, да и другие не поймут, – мягко возразила Татьяна.

– Ты меня слышишь? – от мужа повеяло холодом Арктики, таким знакомым. Голубые глаза кольнули иглами.

– Хорошо.

Домой ехали молча. Так всегда после пирушек, и Татьяна уже привыкла чувствовать себя чем-то вроде удобного подлокотника, не более. Зашли в квартиру, женщина умылась, переоделась и побрела в спальню. Леонид услышал, как супруга всхлипнула. Прошел в комнату. Татьяна лежала на кровати на животе, зарывшись лицом в подушку.

– Завтра у меня день бешеный. Рубашку погладь синюю, в полоску, она в самый раз подойдет для конференции. – Жена не поднимала глаз. Мужчина подошел ближе, помолчал секунду и добавил: – И вот еще что: на ужин приготовь амура с овощами, у нас будут гости, Палыч с женой. Для меня это важно!

– Лёнъ! У меня вообще-то отец умер! Неделю назад! – вскинулась и с надрывом, будто выплюнула, Татьяна. – У тебя что там, слева – кусок железа?

– Ой, не нагнетай: старик пожил, отмучился. Ну что ты, как простокваша? – Муж махнул в ее сторону рукой, дав понять, что на этом точка.

Татьяна снова рухнула на кровать, и худые плечи задрожали от рыданий, будто внутри женщины кто-то включил миксер. Леонид прошел на кухню, открыл «Мартель». Плеснул коньяк в стакан, кинул лед и застыл на мгновение. Потом вдруг сжал кулаки и побледнел, словно проглотил ледяную глыбу. Его колотило. Опять эта картинка: седьмой класс, перемена в школе.

– Сарафан, ты че без банта сегодня, а? – Леонид ненавидел свою фамилию: девчачья какая-то, от нее так и разило зефиром! Сейчас он как будто видел себя со стороны – сутулого, щуплого мальчишку с «ежиком» на голове. Школьный костюм болтался, будто его натянули

на огородное пугало. На пацана надвигались двое: конопатый Сундуков Витька и рыхлый, как хомяк, Игорек Пархоменко. Ленька пятился назад, пока не почувствовал острыми лопатками стену. Это абзац. Сейчас снова будут бить. С двух сторон на него летели сначала подзатыльники вперемежку с хохотом, а потом пинки. Мальчишка повалился на пол, закрыв лицо бледными пальцами, и больше ничего не слышал, будто в яму провалился...

Именинник вздрогнул, глаза уставились в надпись на холодильнике – «Kuppersbush», и он со всей дури швырнул стакан о шкаф! Потом вылетел на улицу, поймал такси и поехал на Приморскую. Он улыбался. Вспомнил круглые, как пятаки у свиней, глаза Витька, когда он душил своего мучителя, а потом страшный хрип... Хорошо, деревушка захолустная была, название то ли Кольцово, то ли Концово, что символично, ведь именно там этому жиробасу пришел конец. Вдобавок – зима, Витьку так и не нашли, да и кто искать будет? Родни ноль, один он остался. Как и Ленька теперь: бабушки уже нет, а родители погибли в автокатастрофе, когда малец только научился лепетать «мама». Мужчина, пошатываясь, вышел из машины, поднялся на третий этаж. Нажал на черную, словно виноградина, кнопку звонка.

– Кто там?

Леонид покрылся испариной, побагровел, нащупал в кармане удавку и с ухмылкой гаркнул:

– Сарафан!

Часть 2

В двери показался жабий глаз Игорька.

– Слышь, бр-ратан, я не один. Катька у меня, замирили только, ты... Ну не вовр-р-ремя совсем, – язык мужчины выдавал, что он изрядно набрался на дне рождения. – Давай через недельку, а?

Игорь по-прежнему был пухляком и повесой. В контактах телефона у него скопилось немало Свет, Марин и «куколок» разных дат рождений, но неизменно стройных: слюни он пускал только от длинноногих худышек!

– Не до тебя сейчас, – повторил хозяин квартиры. Но Леонид навалился на массивную светлую дверь и оказался в тускло освещенной прихожей. Свет струился от торшера из комнаты. Хлопая по плечу одноклассника, гость хохотнул и прошел прямо в центр зала, размахивая руками:

– А на посошок-то не выпили, Игорян! О, да тут и поляна готова, я смотрю. На столике у дивана стояла нарезанная копченая форель, буженина, а в воздухе густо растекался, как мед, аромат запеченной утки в черносливие. «Бакарди» откупорили и разлили. Леонид показал белые зубы брюнетке с лицом будто из камня. Та полулежала на диванчике, нервно теребя золотистую бахрому на маленькой подушке в индийском стиле. Прическа набор, будто стог сена, щеки в разводах от туши. Было ясно: подруга Игоря недавно ревела.

– Катерина, здравствуй! Какая же ты конфетка, так бы и съел! – Леонид облизнулся. Он умел располагать к себе дам. Брюнетка кокетливо заправила выбившуюся прядь за ухо и улыбнулась, сощутив узкие глаза, предательски выдавшие сговорчивость хозяйки.

– Привет, Лёнь! – она тут же икнула. Все трое были пьяны, но Леонида алкоголь обычно валил с ног позже других, и сейчас он выглядел намного трезвей захмелевшей парочки любовников.

Сначала выпили за днюху, потом за перемирие пары, их предстоящий отпуск в Израиле и недавнее повышение Игоря. После четвертого тоста Катерина, не успев закусить, бухнулась в подушки. Захрапела. А одноклассники пошли курить на кухню. Игорь тараторил про свое пивное производство, а Леонид вставлял «правда», «охренеть», «да ты что». Потом сжал зубы. На скулах мужчины зашевелились желваки, словно ожившие холмы на полях, вены на руках надулись. Он затушил сигарету и теперь ерзал на стуле, а Игорь дымил у окна со скрученной наверху римской шторой, спиной к нему. Леонид встал, нахмурился, отчего его густые брови будто слились в одну полосу-дорожку, засучил рукава красно-белой рубашки в клетку и подошел вплотную к хозяину квартиры.

– Игорюш, – пропела Катька из комнаты, – дорого-ой! Я еду домо-ой!

Игорь вышел в прихожую. Одноклассник – следом. Катерина стояла в одной туфле, шатаясь и удивленно вращая глазами. Три верхние пуговицы на белой блузке расстегнулись, представив на обозрение бюст третьего размера, выпавший на свободу из кружевного алого бюстгальтера. Игорь вызвал подруге такси и пошел ее провожать. Потом вернулся, запнулся на пороге и полетел в угол, где возвышался почти двухметровый фикус.

– Ле-е-ень, братан, давай выпьем за нас! – рявкнул здоровяк, вытерев землю с рук о подушечку, и завалился на диван. Потянулся к рому и разлил остатки по рюмкам, пролив половину на золотистую форель.

– Какой я тебе братан, падла? – именинник подскочил, резко навалился всем телом сверху на одноклассника и начал душить.

Игорь сопротивлялся. Но хватка у Леонида как у питбуля: теперь он не тот птенец, что в детстве! Перед глазами раздевалка школы. Противное лицо Игорька с глазами навывкат: он сбил Лёньку с ног и теперь сидел сверху, щедро раздавая пацану щелбаны:

– Ну что молчишь, суслик в сарафане? – мучитель громко загоготал, и его рыхлое, как холодец, тело затряслось под белой рубашкой. – Деньги есть, в последний раз спрашиваю?

А Лёнька никак не мог увернуться от ударов. И руками пошевелить тоже, потому что жиртрест придавил его к полу намертво.

– Да мочи его, Игорян! Пока никого нету, – подал голос конопатый Витька, стоявший у входа, на шухере. В голове у двенадцатилетнего Лёньки от щелчков уже колокола заливались, выступили слезы и вместе с тем проснулась, словно дремавшая от жары собака в будке, ярость от унижений. Он изо всех сил плюнул в лицо громиле. Тот стал пунцовым, глаза, кажется, готовы были лопнуть! Что, не ожидал, падла? От злости Игорь подскочил и пнул Лёньку в живот, потом по голове.

– Не надо, не надо-о-о! – закричал мальчишка и услышал свой голос, как будто эхом в колодце.

В тот же миг взмокнувший Леонид почувствовал, как что-то дернулось в руках, и очнулся. Игорек под ним захрипел, но как-то еле слышно. Лицо посерело, рот удивленно открылся. Пальцы Леонида впились в шею жертвы, и тело вражины обмякло.

– Не надо-о-о, – в голове все звенел голосок из детства.

И тут вернулась Катерина. Она забыла у Игорька ключи от своей квартиры и по привычке открыла дверь друга: они встречались полтора года, и у девушки был свой комплект. Когда она увидела Леонида на Игорьке, сразу протрезвела и заорала белугой во все горло. Прибежали соседи, вызвали полицию. Игорька спасти не удалось. А Леонид все стонал, обхватив голову трясущимися руками, и раскачивался из стороны в сторону, сидя в углу комнаты, как безумный. Ну а когда вернулся в реальность, скривился в недоброй усмешке и подумал: «Даже удавка не пригодилась».

Леониду дали двадцать лет. Про Витька он все выложил следователю сам.

Шоколад с миндалем

«Как же здорово дома!» – Лара зевнула и потянулась на широкой, как небо Сан-Паулу, кровати. Она мотнула копной ванильных кудрей и приподнялась на локтях. Мокрый нос Тео тут же уткнулся в ладошку. Собаку она назвала в честь отца.

«Мне срочно нужен эспрессо с коньяком!» – покачивая бедрами, девушка поплелась на кухню под цокот когтей янтарного сеттера. На ней красовались кружевные топ и мини-шорты, являя миру загорелую налитую попку. Вот уже четыре года Лара танцевала в ночном клубе. «Огонек» – так звали ее на работе. Девушке уже исполнилось двадцать пять, и танцы зажигательной красоты всегда собирали тьму обеспеченных мужчин, но ей так хотелось семью! Поклонники были, да только замуж никто не звал. Вот опять вернулась с работы в половине седьмого утра и свалилась спать. Только линзы снять и успела.

Лара насыпала корм мохнатому другу, потом выпила две порции эспрессо, скрутила шевелюру в фигу и пошла в душ. Стоя под горячей водой, представила будущего мужа: непременно жгучий брюнет! Перед глазами встал образ отца. Вот он приходит с работы, сгребает дочь в охапку и смеется беззаботно и громко. А потом садится в кресло, усаживает дочку на колени и рассказывает сказку густым, как какао, баритоном. Лара засыпает, уткнувшись веснушчатым носиком в щекотные кучеряшки у него на груди. Она помнит запах отца – шоколад с миндалем...

Мысли прервал телефон. Лара накинула бирюзовый халатик-сетку и нажала на трубку:

– Ларка, подруга! Я тебе сейчас такое расскажу! Короче, мать моей клиентки воровит на картах. Я только что от нее. Все про меня знает! И про Хосе, и даже про тусу в круизе, когда араб мне перстень подарил! Кидаю тебе номер, у нее сегодня свободное время в три. Иди, это супер! Все, чао, – подруга отключилась.

В этом вся Ана: быстрая, как комета. Лара потрепала Тео за ушами. Мысли копошились, как муравьи, и она вдруг поняла, что стоит перед открытым шкафом и смотрит на белое воздушное, как у феи, платье. Как давно она его купила? Полгода, год назад? Но так никуда и не надела. У нее не было свободного времени, сил, да и мужчины тоже. Только работа и сценические смелые наряды.

Снова телефон. Сообщение от Аны: «улица Марии Лисбоа, 12, квартира 8, Летиция». Лара решительно впрыгнула в джинсы, натянула красную майку, обнажающую пупок, и вызвала такси.

Только девушка нажала на звонок, как дверь симпатичного дома, утопающего в цветущих розовых кустарниках, открыла худенькая мадам в полосатой тунике, идеальном тюрбане на голове и с сигарой в зубах. Дым Лара ненавидела и сама не курила. Впрочем, хозяйка сразу ее очаровала, показав ровнехонькие белые зубки. На вид Летиции было лет тридцать шесть. Но скрипучий, как дверь с несмазанными петлями, голос выдавал, что намного больше.

О чем только они ни болтали! Летиция как будто давно знала Лару: выпалила все о пьющей матери, которая не выходила из психлечебниц, и про дорогого отца. Его сердце остановилось семь лет назад, и девушка до сих пор с дрожью вспоминала тот день.

– Ой, Лара, что я вижу! Джокер! Вот это карта... И в настоящем он, вот-вот дверь твою откроет! Не поймешь сразу, что судьба, да только он это. Жди, сладкая, уже недолго осталось!

Лара оторопела. Начала задавать вопросы, но Летиция обняла ее и проскрипела:

– Сама все скоро узнаешь! – поцеловала в обе щеки и выпроводила.

Девушка в недоумении вернулась домой. Похрустела чипсами, съела клубнику, досмотрела сериал и поехала на работу, по дороге забросив Тео к подружке. Нужно было свозить его на прививку, и Ана любезно согласилась. Настоящая подруга!

После того, как Лара вернулась с работы, сразу провалилась в забытие сна, а проснулась от дикого, беспорядочного грохота. Не сразу поняла, что стучатся в дверь и очень настырно. «Боже, моя голова!» – Лара спустила ноги с кровати и побежала в прихожую, тут же ударившись виском о шкаф. «О господи, линзы!» – девушка поняла, что ничего не видит, но времени искать «глаза» не было: об этом давали понять настырные пинки в дверь, перемежающиеся с колоритной бранью. Почему-то под ногами хлопала вода.

– О мой бог! – до Лары дошло, что дома потоп, она брела уже по щиколотку. Открыла дверь, тут же услышала звук падающего тела и:

– Черт побери! Черт, черт, черт! Вы что, заплывы тут устраиваете? – гневный мужской бас красноречиво намекал, что мило поболтать не удастся. Она увидела размытый силуэт, сидящий на полу на приличном расстоянии от двери.

Впрочем, фигура быстро поднялась и бодро прошагала к виновнице потопа. Лара заставила себя улыбнуться. После тирады ругательств незнакомец перекрыл воду в ванной и спросил, как можно так беспробудно спать? Он уже двадцать минут долбил дверь и дергал ручку, даже вырвал ее с корнем. Поэтому и упал, когда Лара открыла ему. Девушка пролепетала:

– Я работаю по ночам в клубе. Чтобы выспаться, вставляю беруши, вот и вчера...

Лара продолжала щедро сиять белозубой улыбкой, как бразильское солнце в январе, все еще стараясь рассмотреть нежданного гостя. Ничего не получалось. При ее минус восемь все было зря, но девушка поняла, что темперамент у парня ого-го, вспоминая, какими смачными ругательствами он наградил ее до того, как открылась дверь. Потом спаситель помог убрать воду, а Лара проявила виртуозность и почти избежала всех опасных углов, ведь она до сих пор была без линз. Но ей не хотелось обнаружить перед молодым мужчиной сей дефект: девушка с детства стеснялась плохого зрения. Гость сказал, что трубу прорвало, так как сантехника старше его дедушки. Лара непринужденно захихикала, а парень вытер руки об одежду и представился:

– Мое имя Педро! – Лара почувствовала горячую, будто самба, ладонь в своей руке и то, что он рассматривает ее фигуру. Девушка нежно пропела:

– А я Лара, полное имя Лаура, – она неуверенно отдернула руку и покраснела. Потом инстинктивно выпятила грудь и вдруг вспомнила, что стоит в шелковой пижамке, которая ничегошеньки не прикрывает. А там было что рассмотреть, она знала!

Девушку тянуло к парню, как после клуба на подушку – неотвратимо. Хитрюга предложила гостю кофе, чтобы хоть как-то отблагодарить и задержать. Педро согласился. Лара ликovala: она ему нравится! После третьей чашки, в которую Лара щедро подливала коньяк, Педро рассказал ей, что приехал в гости к дяде на три недели. Уснул днем перед телеком и проснулся от того, что на голову капала вода с потолка. Лара то и дело извинялась. Обещала покрыть расходы на ремонт и кокетничала напропалую. И вдруг предложила выпить по рюмке коньячка.

А дальше все закрутилось: они поцеловались раз, потом другой, перешли в спальню, и молодая танцовщица унеслась в другое измерение. В объятиях мускулистого гостя она чувствовала себя так уютно, словно окруженной пушистым, как перина, облаком. Лара открыла глаза утром: парня рядом не оказалось. Теперь уж девушка вставила линзы и прочла записку на тумбе: «Ты слаще трюфеля. До встречи. Педро» Щеки пылали. Она вышла на балкон и увидела Ану, та привезла Тео. Открыв дверь, Лару захватили мощные ласки рыжего друга, который принялся лизать ей щечки.

– Ларка, по глазам зеленым вижу: сегодня ты спала не одна! – кареглазая Ана расхохоталась и обняла подружку.

– С чего ты взяла? – девушка улыбнулась и стряхнула с пижамки несуществующие крошки.

– Да ладно, за бокальчиком кайпирины в субботу расскажешь? – подруга хитро подмигнула. – У тебя ж выходной? Все, лечу к клиенту, будем обустривать его загородную виллу.

– Ты отличный дизайнер, родная! – подружки обнялись, и Лара закрыла дверь. Тео тем временем лаял и носился по гостиной.

Она сделала эспрессо, села скрестив ноги в плетеное кресло на балконе, и тут Тео в зубах принес цветной платок. Лара развернула скомканную тряпку и закашлялась: там был изображен джокер! Весь день она думала о Педро и забытом платке. Чем он занимается, где сейчас, когда они увидятся снова?

Лара терла кафель на кухне и вспоминала горячее дыхание парня на своей шее, и вдруг в испуге поднесла руку ко рту: ведь ей ни за что не узнать его, даже если встретит! Ну почему она не надела линзы?! Сейчас девушка с уверенностью знала только то, что он отлично сложен и божественно целуется. «Ну ты даешь, подруга, переспала с первым встречным», – в ее голове зазвучал укоряюще-насмешливый голос пьяной матери. .

Погрустневшая девушка вышла на балкон. Ноздри тут же уловили аромат яичницы с беконом. Она сглотнула слюну и поймала себя на мысли, что ищет ночного гостя среди прохожих. Несколько дней Ларе не спалось, она заставляла себя поесть. От Педро не было вестей, а сама она не решалась спуститься в квартиру его дяди. Девушка засыпала в обнимку с подушкой, впитавшей его запах. А в субботу пошла гулять с Тео. Она устроилась на качелях с книжкой, пока пес бегал по траве, и не заметила, как сеттер исчез. Начала его звать и услышала громкие крики попеременно с лаем. Завернула за угол дома.

– Да отстань ты, бешеная собака! Эти брюки целое состояние стоят, ты сумасшедшая?

Девушка узнала голос... Педро! Перед ней стоял коренастый блондин с ямкой на подбородке.

– Лара! – парень протянул мороженое. – Я такой дурак! Даже номер твой не спросил, а тут вызвали по работе в Рио на три дня!

Девушка рассмотрела крупный нос, скуластое лицо и светло-голубые глаза. Далек от ее идеала, так далек! Было заметно, что герой ее снов смущен. Они обнялись. Позже Педро рассказал про деда-скандинава, внешность которого он унаследовал. А Лара вдруг прикрыла глаза, говорить не хотелось. Девушка втянула носиком такой родной запах: шоколад с миндалем...

Профессор Понтий

Понтий вышел из лаборатории и направился к электричке. Ему не давала покоя мысль: что не так с этой сывороткой? Уже четвертый год он бьется над ней! Профессор Шнурков работал на секретную службу правительства. Сыворотка согласия позволит политикам легко заключать контракты с другими государствами по любым вопросам. Всего два миллилитра этого средства, и человек становится мягким, как опара. А уже через час в организме никаких следов! Если формула сыворотки совершенна, лабораторные мыши должны впадать в сонное, эйфорическое состояние. Они и впадают. Только через неделю погибают!

Понтий сел в вагон, на котором было написано «Сургут – Нефтеюганск», протер очки с толстенными линзами, прислонился ежиком щеки к стеклу и захрапел. Ему снились draniki со сметаной, и соседи рядом наблюдали, как он даже причмокивал во сне. Электричка резко остановилась, и Понтий открыл глаза. Пора. Профессор застегнул дубленку, достал из портфеля мятный леденец, вышел из вагона. И обалдел! Вокруг нещадно жгло солнце, местность утопала в цветущих деревьях, воздух гудел от переливов птичьих голосов. Понтий обернулся: ни поезда, ни рельсов уже не было. Здесь пахло счастьем! Все вокруг пропитала нега и странное сияние. Он постоял немного и понял, что дубленка и норковая кепка никак не вяжутся с местным колоритом. Спина мигом стала мокрая.

Мимо проплывали женщины разных возрастов: очень яркие и подтянутые, как из мужских журналов. Одни с любопытством рассматривали профессора, а другие откровенно «кадрировали дурака», как выразилась бы сейчас его жена Глаша. Он прошел вперед, снял верхнюю одежду, пиджак и рухнул на серебристую лавочку. «Так, что со мной? Я вчера не пил ни грамма. Да какое пить, я ж из лаборатории не выхожу! Ну да, работаю без выходных вот уже пять месяцев, но...»

– Ну наконец-то, наконец вы здесь! – уши поймали звонкий голос, и мужчина повернулся. Рядом сверкали улыбками две роскошные девушки в воздушных оранжевых платьях, причем так дружелюбно, словно в детстве они все вместе играли в песочнице. Поодаль стояла сверкающая карета, запряженная белыми холеными жеребцами. Одна из особ, юная блондинка с васильковыми глазами, припала к груди профессора и жалобно протянула:

– Мой господин, я так тебя ждала!

– Сесиль, ну что ж ты так пугаешь гостя, он же с дороги, ему жарко, – Понтия освободила от оков подруги брюнетка с высокой прической и аппетитным, как пончики, бюстом. – Выпейте, господин, будет легче! – лицо гостя блестело от пота, а фужер был таким маняще-ледяным, что он сдался. Потом удивленно открыл рот и попытался объяснить:

– Я не... это... в чем дело? – проблеял он, а красотки, нежно взяв его под руки, повели к карете.

– В замок, Савелия! – брюнетка присвистнула. Понтий удивился, что кучером тоже была девушка.

Профессор бродил по лабиринтам головы и мучился вопросом, что происходит, потом вспомнил, что дубленка и кепка остались на лавке, и чуть не рванул обратно. Но девушки рядом были такие обаятельные, а напиток, который подливали в фужер, таким приятным, что он передумал. Черт с ней, с дубленкой!

И тут компания прибыла в невероятной красоты замок. Он напрочь утопал в буйном цветении роз, здесь летали гигантские разноцветные бабочки и гуляли девушки, одна милее другой. Понтия провели в королевские апартаменты, к умопомрачительному столу с устрицами, шампанским, фруктами, и сказали отдыхать. Профессор ощущал себя слегка навеселе. Стены поплыли, он упал в парчовые подушки на кровати и провалился в забытье.

Утром Понтий подскочил как мячик. Схватился за телефон: двадцать семь пропущенных от жены! И как он мог не слышать? Быстро накарябал ей смс: «Прости, яхонтовая, заработался. Позвоню позже». В ответ пришло: «Ты как всегда, гений! Хоть бы предупредил». Профессор подошел к зеркалу: та же лысина, маленькие бесцветные глазки, то же пузцо, свисающее над ремнем, те же метр семьдесят. Почему с ним обращаются как с царем? И как он здесь очутился?

Раздался стук в дверь. Вошла вчерашняя брюнетка с подносом сладостей, вином и улыбкой шире казахских степей. Понтий напал на нее с вопросами. Резеда, так ее звали, ответила, что они в Раю, так называется их государство женщин. Мужчин здесь нет, и девушки справляются со всем сами. Понтий слушал ее приятное щебетание, а Резеда все подливала вино со странным ароматом, отказаться от которого не было сил.

Они вышли на огромный балкон, увитый махровыми розовыми азиями, и у профессора перехватило дыхание: он был действительно в раю! Деревья стояли все в цвету, чуть дальше паслись лошади песочного цвета, на территории замка струились фонтаны, водопады и гуляли девушки: некоторые в бикини, некоторые без. Тут Понтий почувствовал, как Резеда ущипнула его за задницу! Он повернулся и увидел черные, глубокие, как тоннель, глаза, девушка поцеловала его. Где-то заиграла нежная арфа, профессор обхватил брюнетку за талию и ощутил бешеное желание...

Очнулся он в кровати с Резедой. Голенькая, она посапывала рядом, а мужчина лихорадочно собирал мысли в кучку, как проспавший дворник листву. Девушка повернулась к Понтию и хищно впилась в губы. Профессор увернулся и резко спросил:

– Да что вам надо от меня? Зачем притащили сюда?

– Раз в год Создатель Рая посылает нам мужчину для потомства, господина. Мы принимаем его как дорогого гостя, заботимся, ни в чем не отказываем, а он в ответ дарит нам детей.

– А что потом? – вытаращил глаза мышинный гений.

– Ну а потом господин отправляется на поселение в Живой Музей, где находятся все мужчины, которые побывали в замке и подарили потомство. Живут они там скромно, из еды только финики. У каждого есть карточка, где записано, скольких детей он произвел на свет.

Резеда поведала, что она управляющая замка и право первой близости всегда за ней. Женщина ушла, а Понтий сжал память в тиски, как следователь подозреваемого. Вот он сел в электричку. Пришло смс от жены: «Драники будешь?» Он ответил: «Да!» Стоп! Одновременно пришла еще какая-то эсэмэска, но он был такой уставший... Профессор порывлся в сообщениях. Нашел! «Вас приглашают в Рай. Ответьте “да”, если согласны». Теперь все понятно – вот куда он свое «да» отправил!

Каждый день в палаты Понтия приходила новая женщина. Все они были необыкновенно хорошенькие, ухаживали за ним, кормили белугой и осетром, поили волшебным вином. И ежедневно приходили порции гнева от Глаши. Дозвониться до Рая она не могла, и Понтий выкручивался как мог, но вместе с тем ему льстил такой царский прием. Он никогда не нравился женщинам. В школе был самым мелким, в юности – прыщавым, да еще эти очки... Глаша оценила его мозги, и он женился.

Через месяц пребывания в Раю профессор понял, что устал: от омаров тошнило, красотки бесили. И от бесконечного секса его уже шатало! Профессор стал худым, штаны сваливались, да и не было в них нужды, поэтому он ходил в прозрачной накидке, перекрещивающейся на груди, как у грека. И ломал голову, как вернуться домой: ведь в Музей на пожизненные финики ему так не хотелось! Как-то Понтий напоил Сесиль и спросил, как Создатель Рая узнает, что пора прислать мужчину? И глупая кокетка рассказала, что есть у них в саду Камень Желаний. Девушки ходят к нему и просят все, что хотят. И когда Создатель видит достаточное количество запросов на мужчину, он отправляет его.

– Вон там, за персиковым деревом, видишь белое сияние? Это он и есть!

И стал Понтий каждый день на прогулки ходить к Камню, просить вернуть его домой. Но пошли дожди, и в Камне замкнуло волшебную схему. Профессор пригорюнился. А через три дня он, как обычно, выпил чудо-вина, повеселился с Лаури, темнокожей девушкой лет двадцати, и пришел снова со своей просьбой. И такая тоска его взяла, ведь на родине тридцать восемь мышей пропадают! Да за это время он бы точно доработал сыворотку! Мужчина разрыдался, как в детстве, когда ему самокат не купили, да так и уснул в слезах на ледяном мраморе.

***

– Это что ж за ядрена вошь, а? Я тебя спрашиваю, гений! – крики, как из горна. Профессор протер глаза: над ним нависла мощная фигура супруги Глаши. – Сначала он пропадает на полтора месяца. Я уж и к матери в Рязань съездила, и ремонт сделала в хате! А тут этот, так сказать, муж заявляется в, прости господи, каком одеянии – в прозрачной занавеске!

Женщина принялась его лупасить полотенцем. А Понтий лежал и довольно шурился из-под очков, как кот у тазика с рыбой: он дома! Из кухни доносился дурманящий запах драников, рядом любимая супруга-ворчунья: вот где его рай!

– Алмаз мой, я тебе все объясню, ты только не волнуйся, ладно?

Глафира еще немного покричала и успокоилась. А Понтий доработал-таки сыворотку, и через полтора месяца его имя вошло во Всемирную книгу рекордов Риннеса.

МИМОЗЫ

– Мила, Мила-а-а! – Женя пронзительно закричала и выпрыгнула из сна. Она сидела на кровати: ночная сорочка прилипла к животу, насквозь промокшая от пота.

– Что, мамочка? – испуганная шестилетняя дочка прибежала из спальни.

Женя часто дышала. Она робко оглядывалась по сторонам, словно видела эти стены впервые. Опять эта жуть преследует ее: не дает спать, дышать, сжимает своими стальными лапами горло! Женщина инстинктивно потянула трясущиеся ладони к шее и разрыдалась.

– Мама, мамочка! – Мила залезла на кровать, обхватила тоненькими ручками голову матери и серьезно уставилась на нее зелеными глазками.

– Все хорошо, милая, – Женя прижала дочку, целуя в щеки. – Кошмар приснился, – раскачиваясь туда-сюда вместе с дорогим тельцем, прошептала женщина. Сердце все еще металось, как их попугай Прохор в клетке, когда умерла его волнистая Полли. «Не отдам ее, не отдам!» – опять дрожь. Слишком сжала дочку: малютка высвободилась из объятий и пошла раскладывать кубики.

«Господи, ты только дай мне сил», – Женя сползла с кровати. Поплелась на кухню, поставила варить курицу, бросила овощи в раковину. Снимая пенку с бульона, на дне кастрюли отчетливо увидела похороны мужа. Злобные взгляды его родни шипели: «Это ты его убила!» Много венков. Лешка даже в гробу красивый, только глаза... Его ярко-голубые глаза теперь закрылись навсегда. Он был крепким, обезоруживал улыбкой, умел задурить голову любой: что и делал, не пропуская ни одну мадам. Лешка работал начальником цеха на заводе. По пятницам с друзьями выпивал после смены: теперь ясно, что друзья были в юбках... Точнее, без них!

Женя старательно скребла морковь. Как же она ненавидела пятницы без мужа! А про тьму подружек рассказала родственница: она работала там же, где и муж. Женя сразу подала на развод. Лешка божился, что любит, выкручивался, но она понимала: не простит, не сможет. И он запил. Ведь сначала был уверен, что убедит ее: да кто она такая? Деревенская девчонка из многодетной семьи, по ее самооценке он давно ходил, не разуваясь. Это же Лешка привез ее в Красноярск, устроил работать на почту, сам неплохие деньги приносил. Ей одной не выплыть! Правда, всех его денег Женя не видела: он выдавал на жизнь столько, сколько считал нужным. А этот его шаг с восьмого этажа... Один лишь шаг, и жизнь ее, как блюдо – пополам! Как же они допустили? Ей рассказали, что была обычная пятничная вечеринка, Лешка без конца твердил, как любит ее, Женьку. А потом мужики вышли покурить. Забежали в квартиру с лестничной площадки, когда услышали звон стекла.

Черт! Палец порезала, и кровь окрасила морковку красными точками. Женя потянулась за аптечкой, достала пластырь, а за ним таблетку анальгина. Уже год с похорон прошел, а ей только больнее с каждым днем. Заклеила рану. Вот бы и с сердцем так: ну почему сердечных пластырей никто не придумает?

Зажарка на суп готова. Перед глазами личико сына: Лешкина ямка на подбородке, оттопыренные уши, веснушчатый нос. Спазм в горле. Ну как они могли отнять его? Недостойная мать... а кто судит-то? Сил прийти на суд не было, да ей тогда хоть самой прыгай вниз! Как воевать за свое, родное, когда ты и так убита, растоптана, как окурок на асфальте? Опекуны хреновы!

Женя почувствовала, как скрипнули зубы и все ее материнское нутро сжалось в тугой клубок из железных нитей. Санька, ее Санька... Как он там? На письма не отвечает, игнорирует: ну конечно, обработали его бабка с тетками. Подростку внушить можно все, что угодно. «Ну что за зверь пишет законы эти, скажите мне, люди? Мать у сына отобрать – да вы герои!» Она знала историю про подкуп родни: сыну было тринадцать, он в технику влюблен, и понятно,

что на мотоцикл клюнул! Да и, надо признать, у Саньки всегда был один авторитет – отец, а мать – никто.

После ужина почитала сказку Миле, опять схватилась за мысль: какая гнетущая тишина в доме без ее мужчин. Как в склепе. Дочка недавно принесла из школы два пакета шоколадных конфет и вязаные носки: мужнина родня приезжала. Бабка рассказывала Миле, какой Лешка был замечательный, а мамка такая-растакая. «Нет, ее вы у меня не отнимете!» – Женя убрала пшеничную прядку волос с личика Милы и всмотрелась из темноты в родной профиль. А губы все-таки Лешкины... «Господи, как закрыть ее от этого кошмара?» Подоткнула одеялко со всех сторон, словно оградила дочку от злополучной родни мужа, потрогала лоб. Вспомнила детство.

Их было пятеро, друг за друга – в драку. За обеденный стол – вместе, пакостить – тоже, мыльные пузыри пускать – ну какие пузыри в одиночестве? Не спалось. Женя встала с кровати, прикрыла за собой дверь в спальню. Полезла в шкаф и достала семейный альбом. Вот они с Анюткой: круглолицые смеющиеся малышки. Разница в два года, поэтому секретничали всегда именно с ней. А вот все впятером, у Мишки фингал под глазом: налетел на штaketник, когда от отца удирал. Он тогда яблоки соседские своровал, а батя узнал. Женщина горько улыбнулась. Только где они сейчас, когда нужны ей, как вода огороду в засушливое лето? У всех свои семейные заботы...

На часах два сорок. Как будто кто-то украл ее годы! Жене всего лишь тридцать девять, а она как скрюченный гвоздь: будто долбанули по шапке. И ей уже никогда не выпрямиться, не стать прежней. Женщина ощутила свою сутулую спину. А самое главное – ей не хотелось распрямлять плечи! Она заплакала. Ну ничего, сейчас прорвется, выпустит горе, как свое нутро гнойник. Ночные слезы стало привычны: главное, чтобы Мила не видела. Она должна чувствовать, что мать сильная. Никаких соплей!

Под утро Женя обняла Милу и наконец сомкнула веки. Ей снились мимозы апельсинового цвета в прозрачной вазе, даже аромат их в носу остался. Сон повторялся и в другие дни, а пробуждение после него всегда было особым, добрым таким. Забытое, сладкое чувство покоя! Как тогда, в детстве, когда мамка укутывала ее в свою шаль поверх шубки и несла сонную в садик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.